

Сексуальная
МЕДВЕДЮ

Анна Владимировна

Анна Владимирова
Обещанная медведю
Серия «Обещанная», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
2022*

Аннотация

- Привет, Ромашка...
 - Привет, Дар... Я думала...
 - Не думала, мы это уже выяснили, – перебил он. – Ты обещала мне себя. Помнишь?
 - Я не собиралась...
 - Не учат вас сдаваться оборотням, – оскалился Медведь. – При-дется заполнять пробелы.
 - А я думала, завел себе уже кого-то, – дерзко вздернула я нос.
 - Тебя ждал, – издевательски усмехнулся он и сделал шаг назад. – Раздевайся.
- Я играла со смертью с самого первого взгляда в его глаза. Но не могла уйти, и все бежала к его дому, вопреки всем угрозам и запретам. И вот, похоже, добегалась...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	30
Глава 3	60
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Анна Владимировна

Обещанная медведю

Глава 1

Отец всегда говорил мне, что я доиграюсь...

А я все думала, ну когда же?

Похоже, сегодня.

Сердце колотилось в горле, легкие жгло, в боку кололо, но я неслась через заросли сквозь лес к единственно возможному спасению. Нос забивало терпким густым ароматом хвои, на руки налип слой паутины, волосы взмокли и лезли в рот. Резкая вспышка фар ударила по глазам, и до чувствительно-го слуха донеслось хриплое рычание – за мной гнались еще и на четырех лапах. Мотор рычал где-то на том краю поляны, и оставалось надеяться, что не успевали обогнуть и подрезать. А вот волк мог...

Все было плохо. Настолько, что хоть сдавайся... если бы не один шанс на миллион – мне всего лишь нужно пробежать до одного дома в лесу... Вряд ли он станет спасением. Скорее, наковальней, к которой меня вот-вот прибьет молотом. Но шанс все же был. И от этого в груди вспыхнул настоящий пожар отчаяния, замешанный на адреналине.

Впереди показался холм, за которым, я помнила, стоит за-

бор. Как раз только и останется сил его перемахнуть. Свет фар хлестнул по спине, но ноздри неожиданно уловили сладковатый запах дыма.

– Вон она! – вдруг вскрикнули позади.

И я запнулась о еловый корень. Облако иголок и пыли взметнулось перед глазами серой массой в темноте, и я выставила руки, чтобы не ткнуться лицом в хвою. Перекатившись и отбив ребра, я вскочила бешеной кошкой на холм и сиганула с него на забор, поцарапав живот от удара плашмя. Сколько я тут не была? Лет пять? Хорошо, зад не потяжелел, скорее, наоборот. Интересно, оценил бы хозяин дома?

Идиотские мысли. Но не о гибели же думать! А если Медведь ушел?

За забором открылся смутно знакомый вид – деревянный сруб, отдаленно напоминавший шале, джип во дворе, заросшая травой плитка... и свет в окнах! И дымок над трубой!

Я оттолкнулась и сиганула с забора как раз тогда, когда сзади раздался выстрел. И вот тут мне стало совсем нехорошо. Ноги подогнулись от страха, в лоб ударило порывом ветра, остужая голову. Я поднялась и заковыляла к крыльцу из последних сил. Наверное, их не осталось бы даже на то, чтобы взобраться по ступеням, но это и не понадобилось. Рухнув на доску коленями, я подняла глаза и уперлась взглядом в пару мужских босых ступней.

– Какого тут происходит?... – угрожающе прорычали над головой.

И в этот самый момент в распахнутые ворота влетел джип, поднимая клубы песка в тусклом освещении двора. А я рванулась на верхнюю ступеньку и с размаха рухнула на колени, обхватывая хозяина дома за ноги и вжимаясь в него всем телом.

... Я знала, что сейчас он слышит, как колотится мое сердце, и чувствует, как мне страшно. Всегда чувствовал... И все равно ждала удара. Последнего... Наверное, от него это будет даже правильно...

— Она — наша добыча, — хлопнул дверью машины одноглазый Христоф.

Как еще слова связал! Помнит, собака, как разговаривать по-человечески.

Я зажмурилась и уткнулась носом в поношенные джинсы, пропахшие костром. Макушку осязаемо обожгло взглядом, и я подняла глаза на мужчину, дрожа все сильнее. Не видела его, казалось, целую вечность...

Дарьяр стоял голый по пояс и так зло на меня смотрел, что нормальная на моем месте предпочла бы проскулить извинения и отползти в лапы преследователя. Но я только крепче вцепилась в его ногу, принимая вызов его взгляда. Пять лет прошло, а он не изменился почти — такой же... сногсшибательный. Глаза только совсем остыли.

У меня всегда от него тряслись поджилки. Именно поэтому я и влезла к нему впервые — страхам ведь надо смотреть в лицо...

– Медведь! – надавил одноглазый, теряя терпение. – Девочка наша. Она – шавка Яворского. А с ними разговор короткий...

Взгляд Дара налился такой тяжестью, что стало трудно дышать.

– Помоги, – прошептала одними губами, взглянув на него исподлобья.

Его ноздри дрогнули, а скулы обрисовались еще жестче. Я почти услышала «нет», повисшее в воздухе. Удивляться не приходилось. Только сдаваться – тоже. Я обернулась резко к мужчинам и выпрямилась:

– Я обещана медведю! – голос предал, охрипнув, но эти твари меня слышали, пусть и вышло жалко. – Поэтому убивайтесь с его территории!

Мужчины рассмеялись. Гнусаво, хрипло, мерзко... А на моей шее вдруг сомкнулись пальцы, и Дар медленно потащил меня вверх, вынуждая встать на носочки. Я больше не смотрела в глаза Медведю, я видела злую усмешку своих преследователей.

– Обещана? – прорычал он мне в ухо. – Ты в своем уме?

Я шумно сглотнула в наступившей тишине. Запах дыма и терпкой горечи его силы окутал с ног до головы... и сказал «да». Я сделала предложение Медведю. И он его принял. Только я не рассчитывала на это. В ушах стоял звон от его оглушительного согласия, а его рык донесся будто издалека:

– Вон пошли. Девочка моя.

– Ты пьяный, что ли? – презрительно усмехнулся Христоф.

– Ты бы поберег последний глаз. – А я вздрогнула, когда Дар сгреб меня собственнически и задвинул за спину, коротко приказав: – Иди в дом.

Его касание согрело – я чуть не задохнулась от горячей волны, что оно пустило по телу, переставая дрожать. Но стило переступить порог, задрожала снова. Адреналин покалывал в животе, и мурашки от него разбегались кусачими муравьями по телу. Я сделала шаг и прислушалась к тому, что происходит снаружи. Оставшись без обузы в моем лице, Дар быстро спустился со ступеней и, судя по звукам и крикам, одним прыжком настиг Христофа. Обернувшись и вжавшись в проем, я смотрела, как одноглазый трясет башкой, застрявшей в разбитом стекле внедорожника, и молотит руками и ногами, вопя как резаный поросенок.

Что там вдалбливал ему рычанием Медведь, не было слышно. Да и зрелище было таким, что смотреть перехотелось. Только вот сил развернуться к дому передом я так и не нашла – пятилась, моргая... Ужас происходящего и страх от того, что натворила, медленно полз по телу, парализуя. Оперативница хреновая! Всю подготовку забыла напрочь...

Когда снаружи послышался рев двигателя и грохот, я уперлась в стенку и сползла по ней до пола, пытаясь отдышаться.

Так Дар меня и застал. Медленно приблизился и опустил-

ся передо мной на колени:

– Привет, Ромашка...

– Привет, Дар, – прошептала я, пытаюсь понять, что мне грозит теперь.

– И что же ты? – опустил он голову, взглянув на меня исподлобья.

Я скользнула взглядом по его чертам – все же изменился. Стал жестче... И что-то еще. Ну и опасней, само собой.

– А ты? – все не удавалось перестать шептать. – У тебя что-то случилось?

– Ты вот... – понизил он голос, раскатывая меня своим вниманием по стене. – Снова.

– Я не думала... – начала было я, но он не дал договорить:

– Я заметил. Давно. – И он подхватил меня на руки так резко, что я едва не вскрикнула. Но Дар прижал к груди: – Тш. И что ты натворила, Ромашка?

И голос его даже немного потеплел, но я не позволяла себе поверить в прежние иллюзии. Он – оборотень. Враг. Теперь точно враг.

– Ты же знаешь, что они нарушают закон... – пришибленно пролепетала я, осматриваясь.

В гостиной не изменилось ничего – все та же карамельного цвета мебель, сладко пахнувшая лаком и сосновой смолой, огонь в чумазом камине, столик у окна. Диван только поменял...

– А тебе снова больше всех надо, – усмехнулся с горе-

чью. – И стоило оно того, чтобы отдаться мне?

Голос его звучал вкрадчиво и хищно. Когда он опустил меня на диван, я вжалась в его спинку:

– Я думала...

– Не думала, мы это уже выяснили! – рыкнул он. Я вздрогнула и едва не схватилась за оружие на поясе. По лицу Дарьяра прошла тень, мышцы на широкой груди напряглись. – Пушку отложи от греха подальше.

– Я не собиралась, – медленно потянулась к кобуре и вытащила пистолет.

– Не учат вас там сдаваться оборотням, – оскалился Медведь. – Придется заполнять пробелы.

– А я думала, завел себе уже кого-то, – дерзко вздернула нос.

– Тебя ждал, – издевательски усмехнулся он и сделал шаг назад. – Раздевайся.

Шепот между нами заполнил воздух, раскалил его добела и пустил дрожь по телу. Я тяжело сглотнула, сжимая зубы, но послушно выпрямилась, поднимаясь на дрожащие ноги:

– Да подавись! – сдернула толстовку и швырнула ему в лицо.

Дар даже не дернулся – скомкал вещь и бросил на пол:

– Не дожدهшься.

Он оказался рядом, подхватил под бедра, вынуждая схватиться за его шею, и понес наверх. Ладони взмокли, проскальзывали по его коже, а его горячее дыхание обжигало

между ключиц... Позволить себе коснуться его стоило последних сил. Не держаться, а дотронуться, сжать пальцы на его плечах... Я никогда его не касалась раньше, и чувство каменной опоры под ладонями оказалось таким затягивающим... Пока до сознания не дошло, куда он меня несет. В его спальне меня по понятным причинам не было никогда. И то, что нес он меня к себе, не вязалось с нашими словесными перепалками.

Дару было за что меня ненавидеть. Пять лет назад я повадилась бегать к нему, хотя любые контакты между нами были под запретом. Я играла с огнем, а он позволял... Два запретных мира заворачивали, и мы ходили по их краю, временами заступая за границы. Наверное, мы были виноваты оба. Но предательницей осталась я...

Дар замер посреди спальни, глядя на меня снизу, прошелся рычанием по тонкой коже на шее... потом шагнул к кровати и опустил на покрывало.

– Н-н-не... – заерзала я, пытаюсь отползти, но Дар не позволил – схватил за края спортивных штанов и дернул их.

Потом встал на колени и подтянул меня вплотную, вынуждая обнять ногами его бедра, которые я тут же судорожно сжала. Взгляд колющий, звериный, незнакомый... Он мстил. Ни капли чувств, о которых грезил когда-то. Просто месть. Но почему же так хотелось зажмуриться, когда его грубые ладони обняли за бедра и скользнули внутрь? Ткань его джинсов болезненно потерлась о промежность че-

рез кружево трусов, а когда их заменили грубые пальцы, с губ вспорхнул рваный стон. Он не будет со мной церемониться, когда узнает...

– Отдалась, – усмехнулся зло, и я открыла глаза. – И кто он? Жених?

– Надо было сказать раньше, что ты ждешь, – забылась я, сжимаясь от его обугливающего взгляда.

– А я нравлюсь больше? – Он осторожно убрал пальцы.

– Всегда нравился, – задохнулась я, выгибаясь в его руках.

– Так что же ты? – медленно склонился ко мне. – Пришла к зверю использованной... Жить надоело?

– Ты – не единорог, Дарьяр, – зло усмехнулась. – И нет, наоборот – очень хотелось...

Его медленный вдох наполнился рычанием. Я видела – уже не откажется от решения. Но и отсутствие моей невинности вряд ли переживет спокойно... Все неправильно.

Дар расстегнул пуговицу на джинсах и стянул их с бедер, глядя мне в глаза. Время замерло для обоих – мы совершали самую большую ошибку в своей жизни. По крайней мере, я так думала. Только забыла напрочь, что этот Медведь никогда не ошибался.

– Ты знал, что я прибегу, – выдохнула я изумленно.

– Я ждал, – оскалился он по-звериному. Я раскрыла обескураженно глаза и дернулась, пытаясь хотя бы отодвинуться, но Дар не позволил. – Куда ты, рыжая? – усмехнулся, прижимая собой к кровати. – Тш...

– Сволочь! – выкрикнула прежде, чем его губы заткнули мой рот.

Дерзкий, злой, бешеный – таким был его первый поцелуй. Дар сгреб мои волосы в кулак и прижал к кровати, но умудрялся не делать больно. Наоборот – вынуждал душу биться о ребра и дрожать в солнечном сплетении, пугая голодным напором. Когда он дал вздохнуть, я уже и не дернулась бы – голова шла кругом, кожа на губах горела, а Медведь продолжал с упоением оставлять отметины на моей шее и ключицах. И каждый его укус бил током в низ живота, сводя с ума. Я уже изнывала от пугающего разрушительного предвкушения. Не верилось, что все это происходит со мной. Только я могла выиграть гонку со смертью таким способом!

Его член показался раскаленным, когда он попытался войти, но ни черта не вышло, и я едва не взвыла от разочарования.

– Черт, – прорычал зло Дар и перевернул меня на живот. – Обмельчал ваш мужик...

– Да пошел ты! – зарычала я и дернулась, приходя в себя, но тут же получила жгучий укус пониже спины и вскрикнула.

Только захлебнулась своим же криком, когда он прошелся языком между ягодиц и спустился вниз... По телу прокатилась судорога, мышцы напряглись и задрожали, но, словно не выдержав перенапряжения, сдались, и я растеклась лужей под Медведем. Только пальцы остались сильными, и я вцепилась в покрывало, жмурясь.

Внутри будто ядерным взрывом все выжгло и застыло вечной мерзлотой – никто еще не нарушал моих границ вот так. Все, что я сотворила с собой, и что Дар принял за использование другим – лишь блеф. Да, я подпустила к себе мужчину, но не далась – струсила. Не вынесла боли внутри и снаружи и сбежала... И сейчас бы сбежала... Потому что льды внутри двигались под напором Дара, крошились, причиняя боль, и бежали влагой от его жара... Когда ласка его губ сменилась жестким напором пальцев, я снова вскрикнула, но не от боли... замерла, раскрыв глаза, и следом сжалась от болезненной разрядки прямо в руки Медведя. А он заботливо переживал мою агонию, мягко выжимая ее досуха, потом прошелся поцелуем между лопаток и придавил собой, заполняя одним сильным рывком...

Вот и все. Вся жизнь к чертям...

Нет, если бы он отдал меня сегодня, жизнь бы не показала лучше – она бы просто кончилась. Но и эта мысль потухла, стоило Дару отстраниться и вернуться с новой силой. Несколько сильных движений, и я снова дрожала от удовольствия, задыхаясь от ощущений. По щекам текли слезы, кожа расцветала от ласки, а в груди все стонало в ответ на каждое движение мужчины.

Когда-то я представляла, что со мной будет все именно так. Но никогда не сбудется. Потому что меня поймает кто-то типа Кристофа, надругается и сбросит в овраг догорать последними искрами жизни. Я ведь «бездарность» – ведьма

без дара. Мне надо из кожи вон лезть, чтобы стать кем-то... И я бы скорее вылезла из нее, чем из того, что происходило теперь.

– Дар, – сорвалось с губ тихое, и он обхватил за шею и потянул лицо к своим губам.

– Сдавайся, Ромашка, – прошептал хрипло в висок и за- двигался жестче.

Холодный пот вытопило новой волной жара, и я совсем потеряла сцепку с реальностью. Такого в моих мечтах не было. Я даже не среагировала, когда спина задрожала от утробного медвежьего рычания – что мне напоминание о природе моего любовника, если этот день собирался стать последним? Только на заднице останутся следы его когтей, но я запомню лишь его яркий оргазм и частое дыхание мне в затылок – минута слабости сильного хищника...

– Дар, – кое-как промямлила я, – давай поговорим...

– Ты еще не все сказала? – усмехнулся он, отстраняясь. – Лежи.

А я и не смогла бы пошевелиться. Тело налилось тяжестью и напомнило о моем забеге через лес. Адреналин капитулировал от удовольствия, и страшно было представить, как на самом деле у меня сейчас все болело. Я застонала и перевернулась на спину, когда от дверей донесся легкий стук, и кровать снова прогнулась. Запахло антисептиком и медикаментами.

– Тебя будут искать? – сурово потребовал Медведь и про-

шелся по мне потемневшим взглядом.

– Не сегодня, – не посмела соврать.

– Снова нарушаешь правила своих? – вздернул он бровь.

Но я видела – рассматривает. Даже когда смочил тампон в настойке, взгляда не отвел.

– Даже страшно, как хорошо ты меня знаешь, – поморщилась я.

– Расслабься, сбежать не дам, в обиду – тоже. Как ты и просила...

– Я думала, ты просто поможешь... – отвернулась я. – Дура.

– Ты ошиблась, – провел он чуткими влажными пальцами по животу. – Теперь ты – моя дура.

– Зачем я тебе?

– Мне понравилось, – оскалился он.

А у меня все сжалось внутри. Ощущение опасности вернулось, остудило кровь и наполнило тело напряжением.

– Я замуж выхожу, – выдохнула я одними губами.

– Определенно, выходишь, – склонился он ниже. – Потому что я принимаю твое предложение. И хочу, чтобы ты осознала все его последствия. – Дар придавил меня к кровати, склоняясь к лицу, и заговорил в губы: – Ты будешь моей. И плевать я хотел на твою семейку...

От его рычащего шепота было трудно дышать.

– Я не хочу, чтобы тебе сделали больно...

– Больно будет обоим, Ромашка. Тебе было больно сего-

дня становиться моей, рожать моих детей тоже будет больно...

Наверное, никто никогда не был столь прямолинеен со мной. Только Дар умел так ставить перед лицом реальных последствий. Но раньше я любила обсуждать с ним то, что творилось между нашими мирами, а не собственное будущее... Слышать эти его слова было так странно, что показалось, я сплю. Или в меня все же попали. Я ошалело проследила, как он поднялся с кровати и направился из комнаты, а сама сползла на пол и принялась собирать вещи. Ноги дрожали, сердце колотилось в груди так, что Дар услышал бы и внизу... но я упрямо натягивала штаны, готовясь к последнему рывку. Плевать. Не удастся, тогда уже и сложу лапы, посыпая голову пеплом. Но сейчас все мое существо орало внутри, что надо бежать.

Нацепив кофту, я направилась вниз, вжавшись в стенку.

– Рома, ты чай или кофе теперь пьешь?

– Ч-ч-чай, – просипела я, бросив взгляд на тумбочку рядом с диваном.

Пистолет лежал на месте. И я бросилась к нему...

Дар только лениво проследил мой бросок и совершенно не впечатлился тем, что я направила на него дуло.

– Ромашка, брось пушку, – посоветовал мягко.

– Не могу, Дар... Я не могу, прости...

– Я тебя больше не прощаю, ты забыла? – зло сузил глаза и сдвинул брови.

Я играла со смертью. Плохо знала законы оборотней, но вела себя сейчас невысказанно не только для них. И все же я надеялась, что простит.

– Не двигайся, – вернула я голосу твердость. – Дернешься – уложу.

Дар молчал. Не двинулся вообще, пока я пятилась до выхода. Не обратил внимания и на то, что я сгребла в прихожей ключи от джипа. Я только глянула последний раз на его напряженную фигуру в гостиной и кинулась из дома. Прыгнула за руль, вставила ключи в зажигание и нажала на педаль. Понятия не имела, что хуже – сдаться Одноглазому или спастись вот так за счет Медведя. Он же не просто не простит. Он найдет и убьет.

Но я не могла остаться...

* * *

В приют вернулась под утро. Заглушила мотор мотоцикла и сгорбилась на сиденье. Агония бегства спала, и я стала понимать уже на холодную голову – Дар меня отпустил. Снова. Только зачем? Чтобы прийти за мной и забрать на глазах у всех? Может... Но на него не похоже. К родителям моим заявиться? Плевать он на них хотел – оборотни ненавидят членов союза. Так ненавидят, что за нарушение границ и контакты любого рода наказывают жестоко. Это мне повезло благодаря отцу – он замял мою дружбу с Медведем и сослал

меня в приют. Где я и обреталась все эти пять лет.

– Черт, – опустилась я лбом на руль.

Тело расплывалось от усталости, и я кое-как спрыгнула на землю, продолжая держаться за мотоцикл. Надеюсь, Дар найдет свой джип. Я доехала на нем только до места, где бросила свой собственный транспорт.

Хотелось курить...

– Ромка...

Я дернулась от неожиданности, но тут же выругалась – из темноты ко мне направлялся силуэт с горящими глазами.

– Саныч, ты ошалел?! – громко зашептала я.

– Ждал тебя, – приблизился оборотень и сразу сунулся носом мне в лицо.

Саныч – волк во второй ипостаси. В приюте ему помогали сдерживать оборот, учили контролировать животные инстинкты... Вообще, на нашей стороне было много оборотней, а в институте их изучали на отдельной кафедре. Оборотням приходилось несладко в человеческом мире, и желающим мы помогали существовать в городах без риска быть обнаруженными или преступить законы людей.

Дикие в городах тоже были... такие, как Дарьяр...

– Да иди ты! – отпихнула я друга так, что он вылетел под тусклый фонарь на крыльце.

– Ром, от тебя пахнет... – нахмурился Саныч.

– Я и сама знаю, – зло глянула на него.

Волосы торчком, крепкое напрочь обезжиренное тело, об-

рисованное рельефами теней и недовольная физиономия, смазливая в обычное время – классика оборотного жанра. Саныч подрабатывал моделью на показах, учился в МГУ на юридическом факультете. На выходные приезжал помогать в Приют.

Здание приюта было восстановлено около ста лет назад. Оно стояло заброшенным после войны, а ранее в нем была тайная школа ведунов, маскировавшаяся под монастырь. Такие, как я, издревле жили здесь, и изначально почитались, как говорящие с богами... Но потом все поменялось. И приходится прятаться до сих пор. Официально заведение называлось «Приют для Оборотней, Нелюдей и прочих Тварей». Коротко – ПОНТ. Сюда привозили брошенных детей, которые не являлись людьми. Под «нелюдями» понимались прежде всего такие, как я – ведьмы, обладатели дара или бездари, типа меня. Чаще – второе.

И если с оборотнями и нелюдями было понятно, то «прочих тварей» тут особо не жаловали и принимали со скрипом.

– Ром, – перехватил меня волк и дернул за руку, – подожди, ну нельзя же в таком виде!..

На мой злой рывок ловко поднырнул мне подмышку и закинул себе на плечо.

– Пусти! – стукнула его по крепкой спине.

– Ага, сейчас прям, – пробурчал он и зашагал прочь от здания. – Сейчас тебя Сергей перехватит, и будешь ты бедная...

– Я и так буду бедная! Пусти!

Только приказывать сил не стало, и я позорно разревелась, болтаясь на плече оборотня, как мешок с картошкой.

Саньч вынес меня на берег речки и аккуратно опустил на траву:

– Раздевайся. Я сбегая за полотенцем и гелем для душа.

– Не хочу я лезть в холодную воду, – мотнула головой, глядя в светлеющее небо.

– Ром, Серый когда запах почует – взбесится...

– Плевать. Я устала...

Зря я впала в апатию так рано.

Саньч стянул меня в руки и решительно направился на мостки. Под его ногами глухо застучали деревянные перекладки, а я только слушала их стук и едва успела задержать дыхание, прежде чем грудная клетка схлопнулась в водных тисках. Даже взвизгнуть не успела, уйдя под воду с головой. Достала до мелкого песчаного дна и медленно опустилась на него, глядя вверх.

Саньч посмотрел с мостков немного, сложив руки в карманы... а потом развернулся и ушел. Гад хвостатый! Сво-лочь! А если бы я решила не подняться на поверхность? Но он слишком хорошо меня знал. Вот что значит довериться оборотню! Они все запомнят и используют против!

Оттолкнувшись от дна, я всплыла на поверхность и глубоко вдохнула. Тишина мягко опустилась на плечи, еле вздрагивая от плеска воды. Я легла на поверхность озера и глубоко

ко вдохнула, чтобы держало. Вот Саныч, вот сукин сын! Почему я его не слушаю вечно? И ведь не хотел он меня отпустить на разведку. Еще и ждал...

Водичка пришлась кстати – остудила голову, привела в чувства и смысла усталость. Только знаки принадлежности оборотню загорелись на коже ярче. Я чувствовала каждую царапину и будто снова видела взгляд Дара. Тяжелый, осуждающий... Как я вдруг ушла под воду – сама не поняла. Захлебнувшись, встрепелась и закашлялась.

– Ром, вылезай, – обеспокоился Саныч, призывно потряхивая полотенцем с мостков.

– А как же гель для душа? – потребовала, вылезая на мостки.

– Фиг с ним, лишь бы не утопилась... – проворчал он и отвернулся, когда я принялась сдирать с себя мокрую шмотку. – Серого в спальне нет. Наверное, тоже уехал на патруль...

Сергей Яворский – мужчина, за которого я собралась замуж. Он обеспечивал безопасность на территории приюта со своим взводом, который мы с Санычем именовали «взвоем». А еще он волк, как и Саныч. К моему первому разу Сергей не имел отношения, иначе бы Дарьяр меня точно размазал по стенке, к которой я прикорнула от ужаса в его доме. Был бы на мне запах другого оборотня, я бы и сама предпочла свернуть шею в овраге, а не спастись у Медведя.

Сергей видел, что я не спешу к нему в постель, хотя очень

этого хотел. И ему было плевать, что я бесилась от злости на свою неполноценность и готова была даже замуж за него выскочить, лишь бы насолить отцу. Он просто меня хотел. А еще мне казалось, что он тот, кто мне нужен – терпеливый, рассудительный, спокойный...

А здесь, на свободной территории заповедника в Подмосковье, всем плевать, кто ты, откуда и какие у тебя способности. Я даже была благодарна отцу в какой-то степени, что он вычеркнул меня из светской жизни и вышвырнул за ее пределы. Наверное. Хотя иногда мне и правда хотелось засунуть голову обратно в золотой песок, как прежде, и забыть о том, какой настоящей может быть эта жизнь...

– Я кофе в термосе принес, – вернулся Саныч в очередной раз.

Я уже сидела в теплом спортивном костюме и сушила волосы у костра. Состряпать огонь у меня так и не вышло – Саныч подсобил. А вот нормальная бы ведьма с искрой сразу бы подожгла сухие ветки...

– Спасибо, – взяла термос из пакета. – Зря ты заставил меня купаться.

Саныч опустил рядом:

– Что случилось?

– Я на Кристофа набрела. – Друг шумно втянул воздух рядом – удача, ничего не скажешь. Этот упырь давно нам нервы треплет. – Зато доки собрала, что он расходует эфир...

– На тебе брачные следы, – сдавленно вздохнул Саныч.

– Он был единственным вариантом спастись...

– Ты обещала себя дикому?

– Слушай, я не собиралась с тобой это обсуждать, – вспыхнула я. – Умирать не хотелось, прости!

– Ром, может, он поймет...

– Кто? – искренне не поняла я.

– Серый.

Мне было вообще плевать, что там поймет Серый. Хотя тоже зря. Если даже тот, кому ты не обещана, может убить за принадлежность другому...

– Черт...

– Может, пока лучше к родителям?

– Я не преступница, Саныч! – зарычала я. – Я просто спасала жизнь! И я не хочу к родителям. Мой дом тут! Я ни в чем не... – Я хотела сказать, что не виновата перед Явороским, но уже за свое безразличие к тому, что он почувствует, можно было усомниться в этом. – Да к лешему!

Я правда думала, что мне конец. И только сейчас до меня начинало доходить, как я рисковала. И цена за спасение уже казалась не такой неподъемной. А вот риск, на который шла – идиотским. Кому и что я собиралась доказать своей смертью? Что способна на большее? Что могу быть полезна?

– Слушай, эта работа не для тебя, – хмуро пробубнил Саныч. – Девочке не место в следаках.

– Девочке без дара – да, скорее всего, – шмыгнула я носом.

Я работала в отделе преследования несанкционированно-

го использования ресурсов. Ведьме, которая ничего не может, самое то. Дарами там не работают – только скоростью, соображалкой и силой. Да и работка у меня не особенно пыльная – патрулировать территорию и докладывать о подозрительной незаконной деятельности. Только я же не могла не сунуть свой нос туда, куда не следовало. Но и дергать отдел реагирования по нестоящему поводу не хотелось. И я решила понаблюдать за подозрительным домом сама. А наткнулась на целую банду во главе с хорошо известным главарем-упырем. И мне еще отчитываться перед начальником за риски и последствия.

– Мне вообще нет места нигде...

– Ромка, всем, кто тут оказался, не стало места там, где они бы хотели быть, – заметил Саныч. – Но я рад, что тут.

Только внутри что-то будто стукнуло, вдох оцарапал гортань, когда на языке загорчил терпкий запах одуванчика... Тишина. Спокойствие поползло по венам, пульсируя непривычным знанием – у меня теперь есть место...

Тряхнув мокрыми волосами, я нахмурилась, и наваждение прошло.

– Саныч, я пойду, – поднялась, поводя плечами.

Эти царапины Дара покусывали кончики нервов, не давая забыть ни на один удар сердца о звере, что их оставил.

Друг остался у речки, а я зашлепала босыми ногами по вытоптанной в клевере тропинке. Усталости не было. Наоборот, чувствовала себя полной энергии, но будто взятой взай-

мы. И это невозможно злило.

Приют не был огорожен, стоял на поляне в лесу, и к нему вела гравийная дорога. Тропинка привела меня во внутренний двор. Я шмыгнула между старых яблонь в цвету, и дождь из лепестков осыпался мне на голову, будто меня и правда уже выдали замуж. Выбравшись на гравий, я принялась зло стряхивать цветы, когда почувствовала на себе взгляд.

Обернулась на здание, но в окнах было еще темно – не разобрать, кто там смотрит. Но что смотрели – абсолютно точно. И стоило взбежать по ступеням на крыльцо, я столкнулась с Серым лицом к лицу. Вернее, уперлась в его грудь. И подняла на мужчину глаза.

Яворский тоже не спал – прав был Саныч. И, видимо, тоже решил искупаться перед началом нового дня – от него пахло гелем для душа, а короткие темно-пепельные волосы блестели от влаги. Цепкий животный взгляд серых глаз прошелся по мне от макушки до босых ног и обратно, прежде чем он вздохнул устало:

– Не спала? – Хриплый голос не предвещал ничего хорошего.

– Нам надо поговорить. У меня проблемы.

Саныч зря старался. Да, запах медведя уже не такой резкий, но от оборотня не укрыть, что меня отодрал другой оборотень. Никак.

Глаза Серого сузились, брови съехались на переносице – он почувствовал.

– Как это произошло? – потребовал тихо.

– Мы тут будем это обсуждать?

– Я убью тебя быстрее, чем ты пройдешь мимо, – склонил он голову, а в голос продралось рычание.

– Значит, и сам не проживешь долго, – вздернула я нос. – Я не по доброй воле отдалась. Я жизнь спасала.

– В обмен на метки?! – прорычал он, схватил меня за шиворот футболки и потащил внутрь.

– Яворский, я – не твоя, – возражала, скользя мокрыми пятками по лакированному паркету. – А ну отпусти!

Кидаться на разъяренного оборотня – та еще затея. К счастью, Сергей продолжал тянуть меня за собой на вытянутой руке, не позволяя до себя дотянуться. Разве что едва не задушил, пока впихнул в мою комнату. Я влетела в подоконник – так он меня зашвырнул в двери – и развернулась, откидывая волосы с лица:

– Придурок.

– Рот прикрой, – хлопнул он дверью так, что пластиковое окно едва не выпало. – Объясняй!

– А вот теперь не буду! – сложила я руки на груди, ходившей ходуном. – Не надо так со мной себя вести! Если ты предпочитаешь, чтобы тебе с моей работы принесли телеграмму с черной ленточкой, тогда нам не по пути! Я предпочитаю жить!

– Не место тебе на этой работе! – надвигался на меня злоющий оборотень. – Дай сюда!

И он одним движением схватил за шею и притянул к себе, оттягивая ворот футболки другой рукой. Я замерла, сжав челюсти до боли, выжидая, пока он насмотрится на отметины Дарьяра. А Яворский скользил горящим взглядом по моей коже, и глаза его наливались яростью. То, что под футболкой на мне ничего не было, само по себе ставило под вопрос его жизнь после всего – не имел он права видеть меня теперь. И он это понимал с каждой секундой все четче.

– Присвоил, – процедил с отвращением Серый и, наконец, выпустил.

– Ну вот и поговорили, – одернула я футболку. – Вопрос закрыт?

– Черта с два! – вдруг рявкнул он так, что стекла в окнах едва трещинами не пошли. Думаю, если и не проснулся кто еще в приюте, то попадали с кроватей. – Ты должна была стать моей. И ты станешь моей. Поняла?

Говорила же – придурок. Бросать вызов Дарьяру мог только недалекий волк. Хотя и его я понимала прекрасно – такой удар по гордости и чести мало кто может выдержать.

– Сергей, не надо, – прохрипела я. – Он убьет тебя...

То, что Яворский пока не знал, кто именно меня присвоил, ничего не значило. Дарьяр придет за мной – вопрос времени. Может, он уже в пути. И Серый попытается не отдать.

– ...Пожалуйста, просто откажись от меня...

Я взяла себя в руки, потушила взгляд усилием воли и продолжила ровно и холодно всаживать в оборотня свои остро

заточенные слова. Уж лучше ранить и заставить убраться, чем допустить его смерть.

– ...Я все равно тебя не люблю. Ты мне не был нужен, понимаешь? Я только отцу хотела насолить отношениями с тобой. Теперь насолю свадьбой с другим – мне без разницы.

Яворский сузил на мне свои звериные глаза. А красивый он у меня... был. Жесткие черты, острые скулы, короткая щетина...

– Нет, – оскалился, хватая меня за шею и притягивая к себе. – Не держи меня за идиота, девочка. Я прекрасно знал о твоих мотивах. Но мне было плевать. И сейчас – тоже плевать. Потому что мы зверьми выбираем, а не вот этим дерьмом, которое ты тут на меня выливаешь. И этот ублюдок никогда бы не отодрал тебя просто из жалости, если бы зверь его тебя не выбрал. И я не выдрал до сих по той же причине – твои желания для меня были законом.

– Сергей, пожалуйста, – посмотрела я в его глаза. – Я не стою всего этого...

– Ты стоишь больше. И этот, – он указал взглядом на мою шею, на которой горели отметины Дарьяра, – знает об этом.

Он выпустил, развернулся и вышел. А у меня подогнулись колени, и я опустилась на пол, распластавшись по нему звездой.

Глава 2

Я знал, что она сбежит. Эта ведьма будет бегать до тех пор, пока не закрою все двери, но и после этого будет биться в них до крови. Так всегда было – я оставлял свои двери и окна для нее открытыми с того самого дня, как она появилась у меня на пороге впервые...

Это было осенью пять лет назад. Я помню, потому что холодный воздух каждое утро будто пытался вынуть и выстудить легкие, когда я выходил курить на крыльцо. А ведь была еще не зима... Но тело тогда сдавало. Множественные ранения и рваные раны затягивались медленно, потому что мне тогда не очень хотелось жить. И ведьму, заблудившуюся в лесу, я тем более не хотел видеть. Но она не спросила.

Я помню этот ее взгляд из-под рыжих бровей. Она подошла к самому крыльцу и долго смотрела мне в глаза. А я – в ее. Только сигаретой периодами затягивался и выдыхал едкий дым, размывающий ненадолго ее черты.

– Странный ты, – наконец, усмехнулась она и облизала губы. – Тут обычно не живет никто...

– Это я-то странный? – усмехнулся я глухо и хрипло, а по сути – безжизненно.

И она это поняла – уверен, почувствовала слабость. В другое время я бы прогнал ее. А может, убил бы. Но теперь

мне стало безразлично. А ведьма была забавной. И я нашел странное удовольствие просто наблюдать за ней – хоть какое-то оживление в унылом буром пейзаже. Зачем вообще подкралась?

– Я за тобой вчера смотрела, – тихо сообщила она.

А я даже не заметил. Совсем нюх потерял.

– Ты меня поймала, – выбросил я окурок и посмотрел на нее хмуро. – Что тебе надо?

– Я не знаю.

И настолько искренне это прозвучало, что и я перестал что-либо понимать. Оглядел ее с ног до головы. Юная. Очень. А еще зверь мой полудохлый вдруг ожил и заинтересовался девчонкой в джинсах и темно-синей курточке. Волосы ее были распущены и беспорядочными волнами падали на дешевую промокшую насквозь болоньевую ткань. Девчонка продрогла и не дрожала только выдохе.

– Заходи, – приказал я и кивнул на дом.

И все. Она зашла и осталась, перевернув мой мир. Потому что все это было странно – я и она. Мы – два враждующих мира в одной тихой, залитой промозглой утренней мутью гостиной. И мне стало интересно, как это вообще возможно. А мне давно уже ничто не было интересно. Я зализывал раны в глуши. А она сняла куртку, развесила ее перед камином на стуле и трогательно шмыгнула носом.

– Ты что, согреть себя не можешь? – прошел я к плите.

– Не могу, – донеслось тихое в спину, – я бездарная. Ни-

чего не могу.

Конечно, ведьма не обязана говорить мне правду. Но я откуда-то был уверен – не врет.

– Так уж и ничего? – оглянулся. Она замерла у стула, не решаясь шагу сделать без разрешения. Видимо, вся наглость на сегодня закончилась у ступеней моего крыльца. – Зачем так рискуешь, что лезешь к оборотню?

– А мне нечего особо терять, – пожала она плечами. – Отцу я не угодила уже своим рождением. Он грозитя меня в приют отправить.

– Хорош отец, – хмыкнул я, набирая воду в чайник.

– А ты не особо опасный. Я чую.

Я только хмыкнул. А гостиная медленно наполнялась незнакомыми любопытными запахами продрогшей ведьмы – ее волос и сырого осеннего леса, что она принесла с собой.

Мне становилось все интересней:

– А ты чего тут шляешься?

– Я тут с детства шляюсь. Этот лес меня успокаивает. А ты в кого обращаешься?

– Это я тут с детства шляюсь. А тебя впервые вижу.

– Я по всей области шляюсь, – спокойно лавировала она. – У меня мотоцикл. Уезжаю из дома, живу в палатке...

– Бездарная ведьма не боится жить в палатке? Да ну брось.

– Когда ты не нужен особо... – она вздохнула и повернулась к огню. – Мне кажется, что на меня вообще всем плевать. Я уже месяц дома не была.

– Ведьмы за своими смотрят, – удивился я, наполняя чашку кипятком.

– Не все. А поесть у тебя есть что-нибудь?

Визит ведьмы обретал смысл. И как я сразу не услышал, что у нее в животе урчит?

– Ты надеялась, что я уеду, что ли? Чтобы залезть ко мне в холодильник?

– Как можно, – усмехнулась она. – Нет. Я нормально питаюсь. Просто еще не завтракала.

Ее тощий вид говорил об обратном.

– Я думаю, что ты сбежала, – направился я к холодильнику. – Что будешь?

– А что есть? – с интересом прозвучало за спиной.

– Да так... Ничего толком. Сало... яйца...

– Давай я яичницу пожарю?..

Я смотрел тогда, как тряслись ее руки от голода и решимости мне этот голод не показывать. Только ее тощий живот урчал все громче, а когда запахло жареным салом, ведьма стала захлебываться слюной. И я отчетливо помнил, как атрофированные мышцы моего лица тогда со скрежетом пробовали задействовать забытые механизмы, отвечающие за улыбку. Она беззастенчиво умяла всю яичницу и трогательно вымакала остатки хлебом. Потом поблагодарила, убрала со стола, встряхнула курточку и ушла...

Но перед этим я сделал неожиданное даже для себя – по-

звал ее на следующий завтрак. А сам съездил в город и впервые забил холодильник...

Сегодня утром вспоминать события пятилетней давности было легко. И больно. Я хотел эту ведьму себе. Даже не помню, когда захотел ее впервые... Наверное, когда украдкой вытирала уголки губ от яичницы. Ее хотелось не только забрать себе, но и никому не показывать.

Правильно говорила мне бабка – ведьма на пути к гибели. Но это не значило, что я не буду пытаться ее спасти.

Я достал из бардачка сигареты и закурил, оперевшись на капот брошенного ей автомобиля. Вот сколько ей дать времени набегаться? Сколько я выдержу, чтобы не сцапать и не запихать обратно в свою постель? А эта ее «недоневинность»... От одной мысли скрежет зубов отдавался неприятно в мозгах. Она пыталась себя обесчестить. Без привязанности, желания, любви... Моя ведьма легла под кого-то, чтобы обезопасить себя! И уже за это я хотел лично ворваться в резиденцию Гданьских и переломать шею ее отцу...

Но нужно было ждать. Потому что прежние ошибки и так стоили дорого.

Я затаился последний раз и, выбросив окурок, сел за руль.

Приют просыпался. Я слышала, как шаркает тапками Шеба над головой по старому паркету. Воркуша – моя крыса – нагло перешаркивала ее под батареей, отчаянно выцарапывая остатки сухариков, забившихся между секциями.

– Воркуша, сейчас нормально поедем – я поняла намеки... – вздохнула. Но подняться сил не было. И то, что крыса обходилась намеками, а не скакала у меня на лбу, требуя еды в обмен на мой целый глаз, говорило о том, что и ей не нравится запах медведя на хозяйке. – Да пошли вы все. Ты, Яворский... и Дар!

Но те, кого послать не успела, воспользовались этим тут же:

– Ромка... – Саныч сначала сунул нос внутрь, но, увидев меня на полу, позабыл о запретах не вторгаться в комнаты девочек и уже через вдох навис сверху. – Ром, он тебя что, ударил?

– Нет, – мотнула я головой. – Саныч, мне надо в душ. И остаться в покое. Пожалуйста.

– Ладно, – нахмурился он. – Может, завтрак сюда?..

– Нет.

– Ладно...

Но стоило его шагам затихнуть в коридоре, раздались другие. Шеба уже не шаркала – влетела ко мне так, будто сала-

мандрам стали выдавать крылья на входе в мою комнату.

– Ром, что случилось? Яворский так дверьми хлопнул. Вы поссорились?

Надо мной теперь вились белоснежные кудри растрепанной девчонки пополам с искрами, будто я уже горела на пепелище... А я прям так и чувствовала, как закипаю:

– Шеба, я порвала с ним. – И рывком села. – В столовке можешь огласить, что Яворский свободен. Пусть уже с утра распускают свои фляги из-под юбок!

– Ром, ну вот зачем ты так? – насупилась она обиженно.

– Прости, – вздохнула я и притянула ее к себе, целуя в макушку, вкусно пахнущую костром. – Тяжелая ночь.

– Расскажи, что произошло? Саныч не колется. – Не обиделась. Шеба быстро остывала для саламандры.

– За это я и люблю Саныча, – потрепала я ее и поднялась. – Это слишком личное...

– Ты влюбилась в кого-то другого? – спросила она вдруг, и я обернулась от двери в ванную.

Хотелось рассмеяться, откинув голову. Громко, по-ведьмински... Но я только пожевала губу:

– Может быть. – И скрылась за дверью.

Мне всегда нравилось отсиживаться в ванной. Если не было возможности отсидеться под елкой в соседнем лесу. Тут почти так же можно подумать, а запах простого туалетного мыла казался защитным... Что мне, бездарной ведьме, еще можно было придумать, чтобы защитить себя? Только при-

творяться...

Стоило вылезти из душа, за дверью что-то звонко грохнуло, и послышалась ругань Саныча. Я высунула нос в проем и округлила глаза на импровизированное сборище у меня на кровати – Шеба, Саныч и Воркуша. Последняя воздавала себе по заслугам – ела кашу прямо из миски оборотня.

– Ты ей остудил? – проворчала я, проходя внутрь.

– На края тарелки намазал – она у тебя не дурочка.

– Не в меня... – еле слышно прошептала и добавила громче: – Что там, так все плохо, что вы решили меня не выпускать в свет? На вашем месте я бы наоборот не обозначала со мной близких знакомств.

– Ром, ну кончай, а? – вздохнула Шеба. – Любовь – это здорово. Сергей поймет... А до остальных нам дела нет.

Я не очень дружила с остальными жителями приюта. Уходила рано, возвращалась поздно. Удивлялась, как Саныч с Шебой меня выносят и остаются друзьями. Мне казалось, я с детства всех только отталкиваю.

– Шеб, ты ешь кашу, а то остынет – простудишься, – недовольно нахмурился Саныч. – И ты, Ром, иди позавтракай.

Не стала отказываться. День предстоял долгий, неизвестно, чем он закончится. Мне еще получать нагоняй от начальства, и, не дай высший, увольнение... Если Яворский сильно разозлился, то поспособствует этому, так как мы работали в одном отделении. Вот что я буду тогда делать? Не на что ведь не гожусь.

Я поразмазывала кашу по тарелке, закусила печеньками из запасов Шебы и решительно направилась к платяному шкафу. Последнее действие надежно изгнало оборотня с грязной посудой из спальни, но не подействовало на подругу.

– Слушай, ну скажи мне, – тихо подкралась она к дверце. – Я никому не скажу.

Да я и знала, что Шеба – могила во второй ипостаси. Просто мне никогда не было нужно с кем-то делиться. Я даже чувствовала себя странно и плохо, когда оставляла слова о себе кому-то... Вот только с Дарьяром всегда было по-другому. Я и поэтому тоже неслась к нему на всех парусах при любой возможности – мое доверие ему напоминало мою грядку в лесу, где я выращивала всякое. Никто ее не видел никогда, а меня маленький огород радовал. И доверие Дару было таким же – оно прорастало в нем чем-то, на что хотелось смотреть и радоваться, что оно у меня есть. Тревоги, сомнения переставали пугать. Я делилась с ним, он слушал... и что-то делал со всем этим такое, что оно больше не ранило и не тревожило.

Разве могла я доверить что-то Шебе?

А может, не было ничего такого в моем кипрее на грядке? И Дарьяр не делал ничего особенного? А я все ношусь с этими семечками, будто каждое не иначе аленький цветочек в зачатии...

– Я обещала себя медведю. На мне его брачные метки. И Яворский взбесился.

Шеба раскрыла свои огромные голубые глаза и прикрыла рот ладонью. Вот зачем я сказала?

– Вот черт, – выдохнула она в стенку шкафа и, кажется, даже лбом по нему стукнула, судя по звуку. Но мне облегчения это не принесло, как и прежде. Даже хуже стало.

– Забей, – вылезла я с полки с бельем и направилась к кровати. – Разберусь.

– Ром, но почему медведь?

– Он меня спас, – хмурилась я. Нужны были еще джинсы с футболкой, но у шкафа все еще тряслась саламандра. – Так вышло.

– С тобой ночью что-то плохое случилось, да? – проследовала она мое возвращение к полке.

– Много всего. Я чуть не умерла. Потом еще раз...

– Эта работа не для тебя! – решительно стукнула она ладонью.

– Хватит избивать мой шкаф! – взвилась я.

– А теперь-то что? – задала она главный вопрос, не отставая. – Черт! Мне кажется, только Саныч нормальный! Остальные оборотни с придурью! Ты прости, но даже Яворский...

– Мне-то что? – раздраженно перебила ее.

– Слушай, я видела, что ты к нему не пылаешь, – уселась она на кровать. – И бесит, что ему на это плевать! Вот хочу и все.

– Я давала повод, – выдавила я.

Разговор начинал утомлять. Даже Воркуша уже занервничала – давно не было такого скопления двуногих на ее территории. Крыса скакала по кровати с одной подушки на другую, тревожно попискивая.

– Вот только насы! – буркнула я на нее.

– Да не ссу я, – сосредоточенно отозвалась Шеба. – И тебе не советую. Дикарь этот Яворский! Так орать рано утром на весь приют! А ты ведь жизнь спасала...

– Шеб, хватит! Я не могу так больше! – повысила я голос. – Мне на работу. У меня голова болит...

Саламандра закрыла рот и захлопала глазами, но парализовало ее не надолго:

– А что медведь?

– Не знаю! – зарычала я. – Я сбежала от него! Наставила на него пушку, украла его джип и смылась...

С каждым моим словом Шеба раскрывала глаза все сильнее и в конце вообще перестала дышать.

– Ром, ну это же ужас... – просипела она на вдохе.

– Моя жизнь последние сутки – сплошной ужас! – рывкнула я и, рывком натянув футболку, вылетела из комнаты.

* * *

До поселения своих я добрался спустя три часа и полпачки сигарет. Не спешил. Разговор будет не из легких... Если не самым тяжелым. Это если вообще будет. Зная отца...

Когда остатки асфальта обернулись гравийкой, я выкинул последнюю сигарету, прокурившись насквозь. Это отобьет чуждый запах надежно. Но не скроет того, что я хотел себя прокурить с ног до головы. Плевать. Давно стало плевать. С того самого дня, как меня вывалили на крыльцо дома в лесу и бросили в повязках.

Вскоре дорогу перегородили деревянные ворота, и я нетерпеливо нажал на сигнал. Охрана скривила морду, рассмотрев меня за рулем, но ворота открылись. Привычные запахи, хруст гравия под колесами, шелест осин над головой – все это казалось таким обыденным раньше... а после – предательски-равнодушным. Сколько раз я возвращался домой, не думая, что это все меня однажды не встретит... Понятно, что родное логово от меня никогда не отказывалось – отказалась семья. Но теперь пришло время громко возразить.

Я свернул по аккуратной дороге и направился вверх к холму, на котором стоял дом отца. Уверен, ему уже доложили о моем явлении. Но ворот он не открыл. А я не стал делать вид, что мне это больно надо – бросил машину под забором и толкнул калитку.

Двор не изменился за эти пять лет. И я был рад увидеть его самого любимого обитателя – свою бабушку Нинор. Она сидела на ступеньках вся в черных одеждах и напоминала ворону с курительной трубкой, затягивая двор привычным дымным туманом.

– Дарьяр, – прокряхтела мне, салютуя трубкой. Табак, су-

дя по запаху, сменила на более мягкий. — Давно тебя не было...

С год, наверное. Я не любил бывать здесь. Встречи с отцом не заканчивались ничем хорошим. После смерти матери его характер не смягчился. А после гибели моего брата стал вообще невыносимым.

— Как ты? — присел я рядом.

— Как обычно, — улыбнулась мне Нинор, приводя в движение многочисленные линии на своем лице. Еще в детстве воображение складывало для меня эти линии в затейливые узоры. Теперь же за ними почти не видно было привычных черт — Нинор вся походила на исчерканный рисунок. — А вот ты необычный сегодня.

— Много работы, — отвернулся я.

— Ну да... — усмехнулась она. — Дождался свою рыжую ведьму?

Я же знал, что она все поймет.

— Дождался.

— Тебе только в радость. Да ты и светишься весь...

— Ты же говорила, к гибели, — скосил на нее глаза, усмехаясь.

— Это другим. Твоя не опасна для тебя. Стоило дождаться. Ты молодец.

— Кто бы тут еще так же думал...

— А тебя правда заботит, что он думает?

— Заботит.

– И снова я тобой горжусь – всегда признаешься себе в слабостях. Отец – твоя слабость. Но так быть не должно, Дар. Ты не виноват.

– Давай не будем, – нахмурился я.

– Будем. Ты пока не простишь себя, не двинешься с места. За своей ведьмой не успеешь. Она порхает искрой, а ты еле движешься. Ты поэтому и хватаешься за нее – в ней жизнь, которую ты у себя забрал.

– Я ее спасти хочу.

– Ты ее давно спас. Забирай себе уже...

– Она сбежала, – улыбался я.

– О, – протянула Нинор. – Отпустил? Ну пусть побегает.

– Тоже так думаю. Лишь бы не ободралась еще больше...

Замуж она собирается.

Нинор сухо рассмеялась:

– Да не собиралась она. Она твоя. И знает об этом. А то все забавы ради... Скучно ей.

Мы помолчали, Нинор выдыхала клубы дыма в тишине. И хотелось ее спросить, как она вообще. Но не ответит. Никогда не отвечала. А вот о другом можно было.

– Ты же знаешь, что планирует отец... – начал я.

– И что? Будешь на его месте – будешь решать, – жестко отозвалась она. – А пока решает он, Дар. И ты знаешь, что он – твой вождь. И он – прав.

– Какого тут происходит? – вдруг раздалось суровое над головой.

Но я и ухом не повел – слышал, что отец вышел на крыльцо за пару секунд до этого.

– Вирран, сын твой приехал, – даже не взглянула на отца Нинор. – Зови в дом, принимай как подобает...

Не примет он меня. И Нинор никогда не слушал. Потому что не его она мать.

Я поднялся со ступеней и выпрямился перед отцом. Не изменился он за год. Даже наоборот – посвежел, седины будто даже стало меньше в висках. Неудивительно, что вокруг него столько молодых самок вьется. Зря я обкуривался с ног до головы. Все равно за запахом его собственных любовных подвигов он бы и не заметил мои.

– Что тебе? – склонил он голову, хмурясь.

А по моему телу прошла неприятная дрожь животного повиновения – наши звери скрестили внутренние взгляды, и мой ретировался, признавая его право. Логично, ведь я не собирался бросать ему вызов. Пока.

– Возьми меня к себе в отряд, – не стал я ходить кругами.

– Нет, – даже не задумался он.

– Там моя женщина – хочу, чтобы она не пострадала.

Он сузил недобро глаза, всматриваясь в мое лицо:

– Женщина? – усмехнулся зло. – Она – не женщина, Дар!

Она – ведьма!

– Это уже давно не твое дело. Ты сам так решил. Но я буду защищать ее до последнего вдоха. Хочешь на это посмотреть?

Он вскинул голову, гневно раздувая ноздри:

– Хочешь мне это показать?

– Самое глупое, что вы двое можете сейчас сделать – это поцапаться, – философски заметила Нинор, а я стиснул зубы.

Не допускалось такого поведения при ней, но отцу было плевать.

– Дай мне забрать мою женщину, – снизошел я до просьбы.

– А кто ты, Дар? – не стал сбавлять скорости он. – Мой наследник? Нет. Кто ты мне, чтобы я тебя слушал? Граф у всех уже сидит поперек горла, и я положу этому конец. И любому, кто встанет на пути...

А Ромашка встанет. Ее поставит сам граф. Он для этого устроил ее в отдел расследований – чтобы прикрывала в случае чего.

– Я еще считаю себя твоим сыном, – спокойно возразил я.

– Ты, конечно, можешь считать... Но спасти твою подстилку я не буду.

Я сам не понял, как впечатал его в стенку крыльца. Окна задрожали от нашего обоюдного рычания, и как Нинор удалось нас перекричать – непонятно.

– Я знаю, что этому плевать, но не тебе, Дар! – оказалась она не пойми как рядом, сверкая на нас черными глазами. – Никогда еще мне не выказывали такого неуважения, чтобы на моих глазах своих родителей душить!

– Только тронь ее, – посмотрел я в злые глаза отца. – Младшая дочь Гданьского – моя избранная, тебе понятно?!

Я опустил руки и сделал шаг назад. И, не дожидаясь его ответа, кивнул Нинор и направился прочь.

Он не посмеет ничего сделать с Ромалией. Оставалось только решить самому, сколько я еще дам ей свободы. Потому что когда придет время закрыть все двери и окна... она будет против.

* * *

Я заглушила мотор, еле втиснув мотоцикл между тачками, набитыми на парковке у здания отдела. Как обычно. После леса столичный воздух кружил голову обилием запахов и технических выхлопов. Можно было бы заехать во двор, где поставить мотоцикл проще... но я не могла заставить себя втащить свою «метлу» в стойло. А вдруг понадобится «лететь»? Мало ли чем закончится мой отчет.

С самых ступеней меня неизменно придавливало к полу концентрацией тестостерона и мужского шовинизма. Хотелось прижаться к стенке, слиться с рельефом и скользнуть к шефу по плинтусу. Но я слишком выделялась на общем фоне.

– Гданьская, привет, – выцепил меня взглядом дежурный у стойки. – Ты сегодня рано. Что-то случилось на патруле?

В этот момент сзади промаршировала толпа оперативни-

ков, на ходу чиркая зажигалками и, не дожидаясь, затягивая проходную едким сигаретным дымом и громкими обсуждениями дежурства.

– Шеф у себя? – скривилась я.

– Да вроде, – махнул неодобрительно дежурный в коридор, и я под дымной завесой просочилась внутрь.

Дверь в кабинет шефа светилась в конце коридора, но не обещала ничего светлого. Давид Глебович Горький снова орал благим матом на кого-то так, что у меня под ногами пол дрожал. Но показаться руководству было необходимо. Зря я, что ли, шеей рисковала?

Завидев меня в дверях, шеф кивнул на диван у окна и продолжил сотрясать прокуренный воздух кабинета, от чего в нем совсем становилось невыносимо дышать. Кажется, сегодня была какая-то особенная ночь – никто не выспался. Горький теребил мятый галстук, расхаживая перед столом туда-сюда, и тер заросший седой щетиной подбородок:

– ...Понятно. Тогда отчет по вскрытию сразу мне. Услышал? До связи.

У меня всегда от его голоса начинали неметь уши, уж не знаю почему. Ему по человеческим меркам можно было дать лет сорок пять. Хорошие сорок пять, а не те, что из офисов выплывают на обеденный перерыв...

– Ромалия, что у тебя? – тяжело опустился на край стола Давид Глебович.

– У меня... – заикнулась я, подскакивая. – Я вчера... пат-

рулировала. И... у меня доказательства появились. В Шолоховке группировка знахарей тянут эфир у людей. Там еще не толпы, но объявления об исцелении...

– Гданьская, в смысле? – перебил он меня, нехорошо сдвигая брови к переносице. – Видео съемка, что ли?

– Да, – выдохнула я шепотом, кивая.

– Ты полезла к объекту?

– Да.

– И?

– И ее пометил какой-то дикий, у которого она спасалась от преследования...

Я прикрыла глаза, опуская плечи, чтобы не вспылить и не врезать Яворскому. Но тот продолжал напрашиваться:

– Сама-то она вам не сказала бы.

Горький, судя по отсутствию звуков, выжидательно ввинчивался в меня взглядом. Когда я подняла на него глаза, Сергей стоял рядом и вызывал прилив дикого жара к ушам.

– Какое твое собачье дело? – прорычала я, понимая, что никакого контроля в моем распоряжении нет.

Волчара хмуро пялился на меня, играя желваками.

– Прямое, – прорычал он.

– Вон вышел, – вдруг обратился к нему Давид Глебович. – Она не маленькая девочка, а полноценный опер. Сама доложит.

– Какой она опер? – потерял границы субординации Сергей, гневно раздувая ноздри. – Я требую ее отстранения!

Она – моя подчиненная.

– Да пошел ты! – взвилась я и бросилась на Яворского.

Только шеф встал между нами и так рывкнул, что даже у меня запал сдулся:

– А ну разошлись! Ваши брачные игры мне тут только не хватало смотреть! Яворский – вон. Ты, – указал он на меня пальцем, – села!

– Зайдешь ко мне, – сурово приказал Сергей и скрылся за дверью, не успев рассмотреть мой ответный жест.

Но под гневным взглядом Горького я скрутила средний палец в кулак и опустила на стул. Обидно было до чертиков. Вот сволочь! Мало того что на весь приют орал, теперь еще и на весь участок. Лучше бы на луну повыл, ей богу!

– Что у тебя на Шолоховских? – вернулся за стол Горький.

Я выложила из карманов куртки носитель с камерой и съежилась еще больше.

– Теперь про дикого.

– При всем уважении, не ваше дело.

– Я несу за тебя ответственность, – угрожающе надавил он. – Что произошло?

– Главный с шавками за мной погнались. А недалеко знакомый жил. Я попросила – спас, – без энтузиазма докладывала я.

– В обмен на метки? – склонил он пытливо голову на бок. – Так не бывает.

– Думайте, что хотите, – перевела я взгляд в окно. – Хо-

тите – увольняйте.

Только в глазах защищало от обиды, а в горле ком стал.

– Так а Яворский нужен тебе? Любишь? – сурово потребовал он.

– Это мое дело, – встретила я его требовательный взгляд.

– Значит, нет.

– Значит, нет.

– А за нос зачем водишь?

– Я не вожу – он сам.

– Рома, как ты здесь оказалась-то? Как отпустил?

– Кто? – моргнула я.

– Спаситель твой.

– Я пушку ему в голову наставила и машину одолжила.

Давид Глебович уронил голову на руку и прикрыл глаза:

– Ром, у тебя было простое задание для девочки...

– Вы только что сказали, что я – опер.

– Ты опердевушка, – надавил он. – Маленькая, красивая и хрупкая. Ты хотела работать – я позволил и взял ответственность, но если ты не включишь голову, я не смогу помочь!

– Мне не нужна помощь, – выпрямилась я. – Я хотела делать работу...

– Ты хотела компенсировать свою бесполезность, как тебе кажется, – сурово оборвал он. – Но это не та цена, за которую нужно кому-то что-то доказывать. Ты меня поняла? – Я не шелохнулась, обиженно сопя. – И что за дикий знакомый? – откинулся он на спинку кресла. – Как вытаскивать

тебя будем?

– Никак. Я сама разберусь.

– Ну да, – недовольно заключил он. – Ладно, свободна.

Я удивленно вздернула брови:

– В смысле?

– В смысле, дел у меня по горло. И у тебя, видимо, тоже.

– Не уволите? – неуверенно оторвала я пятую точку от стула.

– Нет. Даже отпуск дам, если ты не разберешься сама...

– В смысле? – застыла я в полуприсяде.

– В смысле, когда ты сама разберешься, тебе может понадобится медовый месяц. – И он отвернулся в монитор, всем видом показывая, что прием окончен.

– И куда мне?

– Отпуск оформи, дам Жанне указание...

– Мне не нужен отпуск, я приехала на работу.

– Отпуск, Рома! – повысило голос начальство. – Не беси!

Или и правда уволю к чертям!

Из кабинета я вылетела с горящими щеками и ушами и бросилась по коридору к проходной. Если бы Яворский и попытался меня к себе затащить – я бы ему лапу оторвала. Но он оказался умнее – ждал меня у мотоцикла.

– Отстранена? – вздернул он бровь, преграждая мне путь.

– Нет, разочарована в тебе, – скопировала я его позу, складывая руки на груди. – Ты всем намерен раструбить, какая я шлюха и какой ты благородный?

Сергей отвернулся в сторону, зло сузив глаза:

– Сегодня тебя ждут у твоего отца.

– Что? – опешила я.

Отец желал меня видеть очень редко, в основном по делам или поручениям. Не вышла я такой же многообещающей, как старшая сестра.

Лара работала в юридической Академии Высших. Будучи невероятно одаренной, она намеревалась продолжать дело отца – занять место в Совете Высших, а это власть, статус... и самые лучшие претенденты на руку.

Я всегда автоматически припоминала эту ее ремарку про женихов – Лара всегда передо мной ей «размахивала», обозначая важность удачного замужества.

«Женщину-ведьму редко встретишь в Совете, – мечтательно сжимала она кулаки. – Поэтому важно заручиться надежным тылом».

Про «надежность тыла» я всегда плохо понимала. Кое-какое озарение пришло только после встречи с Дарьяром. Я неосознанно рисовала на его широкой спине слово «ТЫЛ», пока он ставил чайник или готовил обед, и мне это слово на нем очень нравилось. Наверное, эта игра воображения указала мне дорожку к его дому даже тогда, когда все они поросли мхом и вереском...

– Ромалия, ты меня слышишь?

Я моргнула и сдвинула брови:

– С каких пор ты у моего отца на посылках бегаешь? –

усмехнулась издевательски. — Думаешь, он взамен образумит меня?

— А вдруг?

— Он может только задвигать меня далеко за спину. На несколько десятков, а лучше сотен километров, чтобы не мешала...

Когда меня поймали на дружбе с диким оборотнем, вся семья встала на уши. Отец рвал и метал. Лара неодобрительно качала головой и брезгливо поджимала губы. Даже мама, казалось, с особенной грустью взирала с фотографий и портретов, развешанных в кабинете отца в те дни.

Я тогда откровенно забылась. Неделями пропадала в лесах возле дома Медведя, лишь бы был повод к нему заглянуть. А когда заглядывала, оставалась на весь день, сбегая на ночь в холодную палатку. Мне было слишком мало лет, чтобы оставаться в тепле берлоги.

Но однажды Дарьяр все же предложил мне остаться. По-взрослому. Прийти в его дом на правах его женщины со всеми вещами, придурью и заморочками. Но такие предложения для меня восемнадцатилетней были слишком серьезными и пугающими. И я сбежала... Только не смогла скрыть эмоций, накрывших меня с головой. Я впервые доверилась тогда сестре, не в силах справиться. Разлука с Даром раздавила...

Только все, что я сказала, использовали против меня. И

Дарьяра. Взрослому мужчине, наверное, сложно было понять, почему я не смогла просто уйти и не обрушить ему проблем на голову.

А мне просто очень-очень хотелось остаться.

Гнев отца оставил пепелище от моих чувств и самого большого в жизни очарования мужчиной, пусть и оборотнем. Разницы я так и не поняла, хотя мне вдалбливали, что такие отношения недопустимы. В приюте ведьмы спокойно прыгали в постель к оборотням и наоборот, встречались-расставались, строили козни новым возлюбленным. И никто не слышал о какой-то недопустимости.

За прошедшие пять лет я лишь убедилась в том, что все, что у меня есть внутри – мое. И никого больше не касается, с кем я предпочту спать, жить или... к кому бежать, спасаясь от смерти.

– Графу не все равно, что с тобой и с кем ты, – сурово заметил Яворский. – Я попросил его твоей руки.

Я сначала подумала, что Серый шутит. Но тут же опомнилась, что с чувством юмора у него не очень. И меня разобрал смех. Тот самый – злобный, ведьминский.

– Уйди с моего мотоцикла, – толкнула его, отсмеявшись, но Серый только перехватил меня за руки и притянул к себе:

– Метки дикого сойдут, а я смирюсь. Я понимаю, что ты спасалась, и готов это простить.

– А я не готова, – вздернула я нос.

– Что? – усмехнулся он.

– То, – кивнула я в сторону отделения. – Ты какого лучшего устроил этот спектакль в кабинете Горького? Хочешь, чтобы все узнали, что твою избранную трахнули на задании? Думаешь, я приползу к тебе от безысходности – униженная начальством и семьей?! То есть как мужик и альфа-самец ты уже ничего для меня не стоишь? – Пока я говорила, Яворский сжимал мои запястья все сильнее. – Мне больно!

– Приползешь, Рома. Я сделаю так, что ты никому не будешь нужна, – прорычал он, рывком отпустил мои руки и направился прочь, а я, ошарашенная, осталась хватать воздух.

Что ни говори, Дарьяр спас меня не только от смерти, но еще и от жизни с этим сукиным сыном. Оглушенная словами Сергея, я уселась на мотоцикл и еще долго пялилась на руль, пытаюсь прийти в себя. За всеми мыслями жужжала назойливо самая незначительная – отец меня сегодня ждет. Чтобы что? Запрятать еще дальше? Наверняка.

Но рука уже тянулась к мобильному, а солнечное сплетение привычно стянуло в узел – чтобы стало меньше, тверже и менее уязвимое для предстоящего разговора.

– Ну и что ты мне звонишь? – даже не поприветствовал меня отец. – Я же сказал, что жду. Сергей не передал?

– Сергей? – еле слышно переспросила я, но не потому что оробела.

Наоборот. Я все хотела войти в эту дверь, которую он давно захлопнул. А теперь захотелось развернуться и забыть о

ней. Пусть подавится.

– Сергей Яворский, знаешь такого? – Отец снова общался на бегу. Его голос то затихал, то становился громче. Остановиться и поговорить со мной нормально у него не было времени. – Он был у меня с утра.

– Мне, наверное, неинтересно... – И я, наконец, завела мотор.

– Да нет, Ромалия, тебе должно быть интересно. Ты снова была у этого оборотня в лесу. – Это был не вопрос. – Зачем?

– Соскучилась, наверное... – Хотелось говорить с ним взрослому, с силой и уверенностью, только вот слова слетели с языка и сразу будто обуглились и осыпались горячим пеплом мне на руку. Я даже ладонью тряхнула, отгоняя это ощущение.

– Очень смешно, – напряженно выдавил отец. – Нет, я не питаю иллюзии, и кого-то, более достойного для тебя...

Я отбила звонок и вздохнула. Пожалею же об этом. Люблю же его все равно. Но выносить больше не могу. И откуда-то знаю – имею право.

Я выкрутила руль и нажала на газ, направляясь обратно в приют. Отпуск так отпуск. Но не успела доехать до МКАДа, мобильный возвестил о входящем звонке. От сестры. Началось.

– Ром, мне отец сказал... – нервно начала она.

А я будто видела ее – лощеную рыжую ведьму в строгом костюме, с идеальной прической и поджатыми губами, ко-

гда не говорит. У Лары очень тонкие губы – признак скрытности и неумения быть искренней. Идеальное качество для преуспевающей ведьмы-карьеристки.

– ...Снова бунтуешь?

– Немного.

Под колесами стелилась дорога, почти задушенная набитыми на ней автомобилями.

– Ром, приезжай...

– Лар, твои чары на меня не действуют.

– Слушай, ты же знаешь: я хочу, чтобы у тебя все было хорошо. Я очень хочу встретиться и поговорить о произошедшем. И мне не нравится этот волкодлак, который к тебе сватается...

Сестра на дух не переносит оборотней.

– Лар, мы не в том времени живем, чтобы кто-то к кому-то сватался.

– Ты свободна. Пока что. Но придет время...

– Лар...

– Ром... Надо поговорить. Я тоже не хочу волкодака, но он говорит, на тебе следы того самого медведя, и только он может тебя уберечь от его прав. Ром... что снова произошло? Как ты оказалась снова ТАМ?

– Лар, я еще не приехала, а ты уже разговариваешь.

– Ты в беде, Ром. Надо что-то решать.

– Я в беде уже пять лет, Лара. И решать что-то надо было раньше, – давила я на педаль, лавируя между пыльными ме-

таллическими боками соседей. – Ах, да! Папа же решил от меня избавиться!

– Ром, не начинай. Сто раз уже говорили на эту тему... Давай к волкодлаку. Он не может быть твоим единственным шансом.

– Почему? Он надежно меня изолирует от вас, чтобы я больше никого не опозорила...

– Черт, Рома! Не беси!

– Не много ли чертей на одну меня? – забавлялась я с горечью, осознавая, что меня снова утягивает в надежды, что мне действительно могут помочь. Что семья – мое все...

Только после смерти мамы наша семья будто развалилась на части. Отец остался сам по себе, Лара – в своих амбициях. И я... в лесу с медведем. Я спасалась тогда от горя потери, как умела. Но и это мне не удалось.

– Судя по твоим достижениям, тебе все мало! Ром, приезжай ко мне в офис на обед, обещаю – никакого папы не будет. Давай поговорим.

Я хотела что-то возразить, только в горле стал ком, и я снова размякла. Лара умела меня разбавлять до состояния текучести.

– Ладно, – сбросила я скорость. – Приеду.

– Спасибо. Жду.

Я съехала в крайний ряд и не спеша свернула на первом съезде. Возвращаться в напоминание о прежней жизни тяжело, но в офис Лары – почему нет? Хотя и саму Лару видеть

нелегко. Она же там, в той жизни... Хотя никто из нас не остался в прежнем состоянии спустя эти пять лет. Для меня лично ушло что-то важное, иллюзорное, но такое необходимое. А остался только обгоревший остов системы.

Жизнь в приюте давала иллюзию, что я больше не принадлежу этой системе, но каждый раз приходилось вспоминать, что это не так. Я все равно остаюсь дочерью Верховного представителя Совета. И сколько бы ни бегала по лесам, забывать о своих корнях не выходило. Хоть и хотелось.

Глава 3

К Ларе в офис я приехала аккуратно к обеденному перерыву. Здание коллегии адвокатов Совета Высших находилось в сердце переплетения старинных улочек, незаметное для людей. Меня учтиво встретили на проходной и проводили в кабинет сестры, в котором уже было накрыто на двоих.

– А в кафе у тебя слишком много твоих высших коллег, которым не стоит показываться? – прошла я к столу и брякнула на него шлем.

– И я рада тебя видеть, – улыбнулась Лара, отрываясь от монитора и снимая очки. – Жаркий денек...

Все же она выглядела немного старомодно. Одни эти локоны, уложенные назад, чего стоили, не говоря уже о траурном монохроме в одежде. Запах дорогих духов, в которых солировала полынь, перепорхнул на меня в ходе вежливых объятий.

– Садись, – отодвинула она стул. – Рассказывай.

– А поесть я могу или только посмотреть? – опустилась я на стул.

Взгляд сам прикипел к тому, как Лара разворачивает белую салфетку и кладет ее себе на колени. Наверное, в этом жесте было все, разделяющее нас на непреодолимые расстояния. Зря я приехала. Мне больше не стать и близко к той, которая может тут жить.

– Поешь, конечно, – сложила она локти на стол и проникновенно взглянула в мои глаза: – Ты отлично выглядишь.

– Я больше не девственница, – пожала я плечами. – Наверное, поэтому.

– Не поэтому. За тебя борются двое мужчин, – ничуть не смутилась она.

– Вау, ты считаешь оборотней мужчинами? – вздернула я брови, усмехаясь.

– Ну а почему нет? Они же мужчины, – выдавила она и слизнула горечь лжи со своих тонких губ.

– Лар... – начала я и осеклась.

Я снова попалась на это – желание, чтобы мне и правда помогли. Необходимость близости с кем-то, кто не ударит в спину.

Тыл...

– Но почему снова этот медведь? – Она старалась делать вид, что мы обсуждаем парня из соседнего отдела.

– Он надежный, – подыграла я, берясь за вилку. – Как ты советовала.

– Да? И что он тебе предлагает?

– Все, о чем мечтаю, конечно же. Кормежку три раза в день, защиту вот, как ты говоришь, от волкодлаков и, как выяснилось, умопомрачительный секс.

– Вот как? – вздернула она брови. – И давно ты спланировала вернуться к нему?

– Пять лет планировала, – взялась я за столовый ножик и

птичью грудку со сладким соусом. – Мне надо было вырасти для него. Я этим и занималась...

– Ром, хорош врать.

Наши взгляды встретились, и мой дрогнул. В унисон звякнул нож по тарелке. Лара очень похожа на мать. И так же видела меня насквозь. И внутри снова будто слегка хрустнуло. Эти пять лет, наверное, были самыми тяжелыми в жизни. Сначала не стало мамы, потом у меня отобрали Медведя и возможность с ним видаться... и выбросили из дома как провинившуюся собаку.

– Лар, ты даже ни разу ко мне не приехала, – вдруг вырвалось у меня.

– Что? – моргнула она непонимающе.

– Как у тебя дела, спрашиваю? – откашлялась я. – Приехала бы, посидели бы на речке, поели шашлыков...

– А, – усмехнулась она снисходительно. – Ром, я замуж выхожу...

И она протянула мне руку с тонким кольцом и большим камнем в сердцевине.

– Ух ты, – даже не глянула на кольцо я. – За кого?

– Ты его не знаешь, – пожала она плечами, мечтательно улыбаясь.

Ну еще бы. Стало обидно настолько, что во рту разлилась горечь, будто мне перца подсыпали в еду.

– Все, чего бы тебе хотелось? – тихо спросила я.

– Определенно, – кивнула она уверенно.

– Так почему тогда мне нельзя? – отложила я вилку.

– В смысле?

Мечтательность слетела с ее лица, меж бровей прорезалась жесткая линия.

– Ну ты выходишь замуж. Счастлива. Почему нельзя мне?

– Ром, оборотни нам не пара.

– Почему же? Я знаю, что они берут людей в пару. А я – почти человек.

Я сама не понимала, какого черта меня несет. Ведь я не согласна с присвоением Медведя. Но вот это вот маниакальное стремление моей семьи лишать меня чего-то важного бесило. А Дарьяр был важен для меня. Тогда, пять лет назад.

– Они потом не уважают этих женщин. Я не хочу, чтобы тебе что-то грозило.

– Но не все они такие.

– Дикие – все.

– Дарьяр не такой.

– Сначала не такой, – все жестче парировала она. – А потом... Знаешь, сколько я таких дел вижу? И это учитывая, что не мой отдел этим занимается. Насилие, изъятие детей – только цветочки. Я не отдам тебя никому из них!

Я покачала головой и перевела взгляд на город. Задевали ли ее слова? Да. Боялась ли я Дарьяра? О, да. После вчерашнего – очень. Но я не верила, что он может причинить мне боль намеренно. Не могла поверить...

– Поэтому и Яворскому я тебя не отдам. С чего он решил,

что может тебя защитить от прав этого отшельника?

– Не знаю, – отмахнулась я, поглощенная своими мыслями.

Каждый раз, когда мы встречались с Дарьяром, вся жизнь шла под откос. На полной скорости.

– Послушай, вернись домой.

Пришлось вынырнуть из своих проблем и взглянуть на Лару осознанно:

– Что?

– Я хочу, чтобы ты вернулась домой. – Ее голос дрожал. – И с отцом я уже говорила. Мы должны тебя защитить. Я хочу тебя защитить. – Она поднялась из-за стола и подошла ко мне, а потом вдруг присела рядом, заглядывая в глаза: – Мама говорила, что тебе надо дать свободу. Она мне это сказала той ночью, когда ее не стало...

С каждым словом сестры мне становилось трудно дышать. Я замерла с прямой спиной, будто она жгла меня огнем, и трудно было смотреть. То, что она говорила о последним словах мамы сейчас, казалось мне крайней жестокостью.

– ...Но я больше так не могу.

– Не думаю, что это твое дело, – прошептала я. – У всех свой путь, это нормально...

– Приют – не твой путь. Тебя туда поселил отец.

– Выгнал.

Она прерывисто вздохнула, а за окном вдруг резко нахмурилось, и из воздуха начали закручиваться кружева серых

облаков.

– Слушай, когда я выйду замуж – все изменится, – решительно заговорила Лара. – У меня появится право заявлять о своей воле. Я заберу тебя домой...

– Лара, не надо, – покосилась я на небо, сверкнувшее в этот момент так ярко, что аж в глазах зарябило, и я зажмурилась.

– Вот черт, – сдавленно ругнулась Лара. – Прости...

Да, сестренка моя в защите совсем не нуждалась. Но то, что она вдруг потеряла контроль, было странно. Неужели так переживает? Пять лет не переживала.

Додумать только у меня не вышло – затрезвонила мобилка.

– Прости, – смущенно вытащила я аппарат.

Звонила Шеба:

– Ром, Санычу плохо! – задрожал ее голос в трубке.

– Что такое?

– Ром, не знаю, но это выглядит жутко.

– Да что случилось?! – подскочила я со стула, подхватывая шлем со стола. – Лар, пока!

Отметила только, как сестра удивленно раскрыла глаза на мое незатейливое бегство, но уже в коридоре вся обратилась в слух:

– Рассказывай!

– Я думаю, он что-то сожрал!

– Отравился? – неслась я к лифтам.

– Нет. У него показ на следующей неделе, а он так боится обернуться волком от переживаний, ты же знаешь... А теперь у него уши наполовину отросли, клыки...

– Что он сожрал?

– Я не знаю, достал какую-то химию, – дрожала мне в трубку Шеба. – Лежит в медбоксе, докладывает сквозь зубы!

– Я несусь! Но буду не меньше, чем через час!

Единственным моим даром была скорость. Я нарушала все мыслимые ограничения, но кустарные амулеты приютских ведьм отводили от меня худо-бедно человеческих поборников дорожных правил. Сегодня я выжала свой талант на полную мощность вместе с баком горючего и уже через час пятнадцать затормозила с пылью у пропускного пункта приюта.

– Ну быстрее! – прорычала на неторопливый шлагбаум.

– На пожар? – неодобрительно покосилась на меня охрана.

Знала бы, как он прав, снесла бы его пост на полной скорости.

Маленький медицинский корпус находился в глубине участка приюта. Когда-то здесь была конюшня. Сейчас, благодаря спонсорству богатых родителей резидентов приюта, в число коих входил и мой отец, корпус походил на маленькую европейскую больницу с просторной процедурной и несколькими палатами. Заправляла тут всем, конечно же, ведьма – Павлена Аракиевна Шульцкая. Но мы звали ее Паша. По первым буквам ее сложного трудновыговариваемого

имени. Характер у нее мягкий, сочувствующий, поэтому я позволила себе эмоции на полную мощность, влетая на порог небольшой приемной:

– Где Сашка?! – потребовала с порога, направляясь напрямиком в кабинет Шульцкой.

Медсестра бросилась следом:

– Они в палате. Ром...

Я резко сменила направление и бросилась в стеклянные двери рядом с кабинетом.

Саньч нашелся по звукам возни, характерному запаху псины и ругани. Я влетела на порог дальней палаты и замерла на вздох.

Зрелище было не для слаонервных. Парень корчился на кушетке, будто застряв на половине оборота – половина тела была покрыта шерстью, позвоночник выгнут дугой, кости черепа деформированы, будто вздулись, а губы изранены выступающими изо рта клыками. Саньч тяжело дышал, плясая в потолок, периодически взывая от манипуляций Шульцкой. Его за руки и за ноги держали подчиненные Яворского, пытаюсь распнуть на кровати.

– Выйдите отсюда! – рявкнул на меня один, но я и не подумала слушаться, приблизившись к другу:

– Саша, я приехала! – выдохнула, склоняясь над ним. – Павлена Аракиевна, скажите им!

Саньч только успел скосить на меня глаза, как меня перехватили под руку:

– Выйдите!

Я вперила злой взгляд в поборника закона и порядка в приюте:

– Лапы убрал! Никуда я не пойду! Вы его пугаете только!

– Рома... – начала было Шульцкая, но и ей не дали слова.

– Гавр! – рявкнул этот блохастый кому-то за спиной. – Уводи!

– Еще одно движение, и я звоню Яворскому! – отскочила я в сторону. – Только тяпни!

– Ромалия Савельевна! – прорычали мое имя, пытаюсь ухватить за запястье.

Только в эти игрушки я игралась отлично – сам Горький меня натаскивал по боевым приемчикам. Я выкрутила Гаврюше руку за спину и пустила вокруг себя, пока он не пришел в стенку лбом.

– Сергею позвони, – схватила его за шиворот футболки между лопаток. – Скажет вывести – выведешь. Если сможешь.

И я отошла в сторону. Нет, иллюзий тут никто не питал – все знали, что больше, чем «вывести из палаты», в моем отношении никто ничего себе позволить не может. Но мне было плевать.

Саньч закашлялся, Шульцкая заматерилась:

– Да пустите вы ее! – вскипела. – Себе дороже!

Гавр оглянулся на остальных, но все же демонстративно принялся звонить начальству, а я скинула куртку в углу и

обошла койку.

– Саш, – положила ладонь на лоб другу. Тот мелко подрагивал. – Давай расслабляйся. – Второй рукой я нашла его ладонь и крепко сжала. – Сейчас доктор введет тебе капельницу... Дыши. Ровно. Спокойно. Все хорошо...

Я ворковала над другом, игнорируя возню вокруг, пока до меня не дошло:

– А где Шеба?

Павлена Аракиевна поджала губы и закатила глаза, регулируя капельницу.

– Спалила мне новый халат... Перенервничала. А эти, – кивнула за плечо, – увели.

«Взвой» Яворского все еще нервировал своим присутствием. Разговор с Сергеем, видимо, не заканчивался, а я закипала все больше, вот только нервировать Саныча не хотелось – он почти перестал дрожать.

– Что с ним? – заставила себя оторвать взгляд от мужчин и вернуться к Санычу.

Тот шумно выдохнул, пытаясь стиснуть зубы, но губы закровоточили еще сильнее.

– Принял новые таблетки, – кивнула Шульцкая на тумбочку.

– Какого, Саша?! – тихо взвыла я.

Но Шульцкая перебила:

– Они на тестирование пришли из института. Я собирала группу для тестирования, Сашка вызвался...

– Что?! – ошалела я, задохнувшись. – Добровольно?!

– Тихо, Рома! Сейчас выведем лекарство, все будет хорошо...

– А если не будет?!

– Ты усугубляешь его состояние, – процедила она сквозь зубы.

Пришлось прикусить язык и молча опуститься на стул.

Я знала, что здесь не только учат контролировать ипостась, но еще и медикаментозно помогают. Но ничего сильноедействующего наши не изобрели, насколько мне было известно. Хотя и очень старались.

Городским оборотням очень сложно. Жизнь мегаполиса полна стрессов – каждый день рискуешь непроизвольно обернуться где-нибудь в торговом центре, ожидая подружку из очередного магазина; в банке, не в силах выбить из банкомата наличность; или в метро во время давки в час-пик...

Саныч больше всего боялся модных показов. И мне иногда думалось, что, привязавшись к нам с Шебой, он просто отвлекался от собственных проблем, которые на нашем фоне казались меньше. Ну я, может, меньше. А вот Шеба своими злключениями давала нам сто очков вперед вместе взятым. Девочка-саламандра не оборачивалась чудовищем – она просто сжигала все, к чему прикасалась, потому что не могла контролировать эмоции. Ей нельзя к людям вообще, о нормальной человеческой жизни оставалось только мечтать.

– Могу просунуть капю, – заметила докторша. – Помо-

жешь?

Вместе мы всунули прокладку между зубов Сашки, чтобы он больше не ранил себе губы. Когда закончили, по вискам Саныча потекли слезы...

– Саш, все будет хорошо, – скользнула я пальцами по его щеке. – Лекарство выведут, и ты сможешь обернуться назад...

Он шумно засопел, жмурясь – пытался мне верить, а я старалась быть убедительной:

– У тебя уже когти уменьшились, видишь? – продемонстрировала быстро ему ладонь. – И пальцы потеплели. Расслабляйся, а то зажался весь – конечно, тебя заклинило...

Павлена Аракиевна напряженно всматривалась в пациента, меряя давление:

– Да, тахикардия прошла. Продолжайте в том же духе, а я сделаю звонок в институт.

Мы, наконец, остались одни. «Взвой» Яворского как-то незаметно разбежался, и только в коридоре ощущалось чье-то присутствие. Оставили одного для надзора? Наверняка.

– Саш, ну ты даешь, – постаралась улыбнуться я. – Смелый такой... Так напугал. – Он шумно сглотнул, сжимая мою руку сильнее. – А я в отделении была. Меня не уволили – повезло... Ничего, что я про себя?..

Он энергично закивал.

– ...А еще у сестры была. Она хочет, чтобы я домой вернулась... Даже бурю за окном организовала по этому пово-

ду для убедительности... – пошутила я. Или не совсем? А может, и правда для убедительности сверкала молниями? – В общем, денек был насыщенный. Сюда летела, словно на метле.

– Ммм... – попытался что-то сказать Сашка, но выходило не очень. – Сс-э-ей?

– Серый? – догадалась я, и он закивал. – Серый гонит. Я пока не понимаю, чего он добивается.

Саньч неодобрительно покачал головой, а я моргнула – шерсти на его лице заметно поуменьшилось, и знакомые черты на самом деле стали возвращаться.

– Саш, работает, – улыбнулась я. – Узнаю твою смазливую морду.

Он усмехнулся и подвигал челюстями – зубы тоже втягивались потихоньку. Увижу Яворского – не посмотрю, что бывший! Выдам ему проса с запасом! Натравил своих буль-догов на моего бедного волчонка! Один как раз сунул свою морду в проем:

– Ромалия Савельевна, вам Сергей не может дозвониться.

– Наверное, не до него мне сейчас, – огрызнулась я.

– Простите, но он просил передать, что вам лучше ответить, – нахмурился парламентар и сгинул.

– По-о-ни, – поддакнул Саньч.

– Сам позвони, – зашипела я. – Ты бы знал, как он себя ведет! Не буду я с ним разговаривать!

В кармане джинсов снова завибрировал мобильный, но

когда я, полная решимости послать абонента, глянула на экран, нахмурилась – звонили с незнакомого. Для памяти телефона. Но очень даже знакомого для меня. Я сгорбилась, будто и правда можно было передохнуть, упасть и опереться на кого-то более надежного. Снова захотелось плакать. Я встала и направилась к окну.

– Ромашка, ты где?

Я только засопела в трубку, тяжело дыша.

– Ром?.. – позвал Дарьяр тихо и немного устало.

– Что? – буркнула я.

– Как ты?

– Сижу в больничке.

– Что с тобой? – насторожился он.

– У меня с другом беда, – прошептала.

– Что с ним?

– Он застрял между оборотами... – Сама не заметила, как начала с ним делить то, что поделить очень было нужно. Потому что одной нести тяжело. – Выпил какое-то лекарство. Новое. Для контроля ипостаси.

Я знала, что Дарьяру не понравится то, что я говорю. Но знала и то, что он об этом не скажет. Дикие оборотни не признавали наших усилий по оказанию такого рода помощи. И отчего-то не мучились спонтанными оборотами. Или делали вид.

– Дружишь с оборотнями?

– С некоторыми. Зачем звонишь?

– Узнать, как ты. И удостовериться, что с тобой ничего не случилось...

Дар говорил со мной мягко, спокойно, будто я не сбегала от него утром, размахивая пистолетом. Но все это было временно, натянуто до предела и вот-вот собиралось лопнуть. Я слышала, как напряженно он дышит.

– ...Что сказал жених?

– Машину нашел?

– Нашел.

– Зачем ты меня отпустил?

– Я не отпускал.

– Ты дал мне сбежать, – понизила я голос.

– Не знаю, как не сломать тебя. Но я тебя не отпущу. – Мы помолчали на фоне хруста гравия под колесами его машины в трубке, прежде чем Дар напомнил мне о страхах: – Если твой жених тебя тронет, Рома, я его убью.

– Ты оставил ему достаточно предостережений. – Я остекленела взглядом.

– Он оборотень?

– Питаю к ним слабость, – усмехнулась я.

– Ты его не любишь.

– Нет.

– Знаешь, зря ты не согласилась стать моей пять лет назад. Я все боялся тебя сломать. Но кажется, что опоздал, и ломать уже нечего.

– Доломать всегда сможешь.

– Это точно.

– Мне надо идти, Дар.

– Иди, Рома.

Когда я отняла трубку от уха, не стало сил. Пришло понимание – я не убегу от него. Дар отпустил только потому, что знает – я никуда не денусь. Потому что обещать себя – это серьезней, чем сказать «да» на его прошлое предложение остаться. Он спас меня, и я не предаю. Только от этого не легче. Черт, мог бы и просто так спасти! А потом снова спросить. А я бы снова сбежала.

– Ром?

Я обернулась. Саныч сидел на кушетке почти нормальный, только шерсть еще топорщилась клочками на плечах.

– Дурак ты, Саныч! Дурак! – И я бросилась ему на шею.

– Угу, – не сопротивлялся он. – Надо Шебу найти...

– Да найдем мы Шебу, – прорычала я, отстраняясь, чтобы он видел мой серьезный настрой. – Ты понимаешь, что не надо так больше?! Что не стоит оно того?! Отвечай!

– Понимаю, – устало кивнул он. – Ром, воды можно?

– Только попробуй еще раз на себе эксперимент поставить! Убью! – поднялась я и направилась к крану. – Нормально себя чувствуешь?

– Как с перепоя.

– Я позову Пашу, – вернулась я со стаканом.

Саныч выдул его двумя глотками и завалился на бок:

– Ром, я не думал, что такое возможно. Институт обычно

нормальные препараты присылал.

– Ты что, не первый раз?! – дошло до меня.

Он только прикрыл глаза, кивая:

– Это было... Я думал, конец мне.

– Лежи, – приказала я и направилась за Пашей. Что-то долго она звонила в Институт...

* * *

В офисе я появился под вечер, но работа у нас в это время только начиналась.оборотни привыкли вести активную жизнь ночами. Многие держали ночные клубы, круглосуточные сервисы и даже медицинские центры. Я же занимался звуком...

У нас с братом была компания по звуковому оборудованию разного профиля. Мы с детства тащились от разного рода музыки, собирали проигрыватели, «кассетники», «бумбоксы»... Демид был настоящим маньяком настоящего чистого звучания, не признавал цифру. Он искал старые пластинки, редкие издания, диски...

Его коллекция сейчас стоит миллионы.

А мне просто важно было быть с ним рядом. Нравилось то, что он делал, хотелось быть причастным. Я любил вырываться из нашего сложного мира в не менее замороченный мир людей, в большой мегаполис, чувствовать его сметающую энергию и противостоять ей, укрощать и двигаться в

одном направлении. Тогда казалось, что мы нашли свое место, свою страсть...

Отец никогда нас не поддерживал, но и не препятствовал – а это уже немало, учитывая его характер, – до тех пор, пока Демида не стало.

Я припарковался у здания и вылез из машины.

– Дарьяр Вирранович, – донеслось до меня, – добрый вечер.

Вечерний слет менеджеров у фонтана в нашем мини-сквере в разгаре. Из зала второго этажа традиционно лилась музыка. Сегодня был день джаза, и головы менеджеров покачивались в такт песни Рэя Чарльза. Я машинально глянул на часы – восемнадцать. По ним можно время сверять. А через десять минут они разойдутся по офисам работать до полуночи. Я приветственно кивнул, уличая себя в желании сбежать сегодня отсюда подальше. Природа брала свое – у меня медовый месяц. Без женщины. Без отпуска. Без берлоги. Недолго озвереть...

– Дарьяр, – догнал меня на ступенях Ян.

Ян Сизов – моя правая рука. Именно благодаря ему все здесь не рухнуло, когда Демида не стало, а я был не в состоянии управлять бизнесом. Но, в результате за эти пять лет мы стали самым крупным поставщиком и представителем самых известных мировых брендов оборудования. Брат бы гордился тем, каких результатов мы вместе достигли и какую команду собрали.

Ян поравнялся со мной, привычно пробежался взглядом по лицу и прищурился:

– Ты какой-то странный...

– Это все? – усмехнулся я.

– Нет, – не разделил он моего веселья. – Тебя Горький ждет в кабинете. Что случилось?

– Горький? – нахмурился я.

С начальником оперативного участка мы познакомились на почве убийства моего брата. Давид лично вел это дело. С тех пор мы иногда пересекались. Особой дружбы между нами не было, скорее – деловое сотрудничество. И я уважал его. Горький сделал все, чтобы убийц брата наказали по нашим законам, а не по законам так называемых Высших. И не его вина, что наказания по закону так и не случилось.

– Давно он тут?

– С полчасца, – неодобрительно зыркнул на меня Ян.

– Ян, что ты дерганный такой? – На самом деле дерганным был я. Сам по себе визит опера ничего хорошего не сулил – это понятно. Но и плохого не гарантировал. – Может, ему обслуживание системы нужно?

Давид купил у меня стереосистему домой года три назад. Не завидовал я его соседям, хоть у него и кладбище с одной стороны – эта система и мертвого поднимет. А учитывая специализацию Горького... в общем, я снова не завидовал его соседям.

– Нет, к сожалению, – покачал головой Сизов. – Я уже

спрашивал. Стекла в доме целы, а вот кресты на стареньких могилках под окном покосились от звуковой волны.

– Тяжелый был год у опера...

– Ну а кому сейчас легко?

Офисное здание у нас двухэтажное – мы с Демидом избегали больших торговых центров, чтобы не нервировать свои вторые сущности. Район промышленный, тихий, но вполне доступный – по московским меркам. Возможность облагородить территорию, деревьями отгородиться, музыку поставить – все это важно для таких, как мы.

– Так, а с тобой что? – понизил голос Ян, когда мы шли по коридору.

– Ничего, – отмахнулся я, входя в приемную.

Горький сидел на диване, упершись локтями в коленки и опустив голову на руки. На мое появление вскинулся и заморгал мутными глазами.

– Дарьяр, – поднялся, протягивая руку, – привет. Прости, бессонная ночь.

– Здравствуй, Давид, – ответил я на рукопожатие. – Какая по счету?

– Не помню, – поморщился он.

– Проходи, – пригласил его в кабинет. – Ян, кофе гостю нальешь?

Сизов нехотя отлип от моего тыла и удалился в кухню, а мы с Давидом расположились у меня в кабинете.

Рэй Чарльз так некстати напевал свою «I've got a woman»,

а я смотрел на гостя, собиравшегося с мыслями.

– У меня к тебе странное дело, не официальное, – начал, наконец, Давид. – По поводу Рамалии Гданьской.

Внешне я только медленно нахмурился, не позволив себе даже моргнуть, но, уверен, для Давида и этого было достаточно.

– Что с ней? – Не стал делать вид, что имя мне незнакомо.

Давид вьелся в меня хмурым взглядом:

– Это у тебя она была прошлой ночью.

– У меня.

– И за что ты с нее такую плату взял за спасение?

– Это наше с ней дело, Давид.

– Уверен, что не только твое?

– Надеюсь на это.

Он прикрыл глаза, качая головой. В кабинет вошел Сизов с кофе, заполнил паузу насыщенным ароматом с горчинкой.

– Сигарету? – добил я опера. – Ян, спасибо.

Сизов нехотя удалился, а я поднялся из-за стола и протянул пачку Давиду.

– Дарьяр, мне эту девочку по-человечески очень жаль, – глянул он на меня, прикуривая. Фраза «по-человечески» всегда звучит особенно, когда произносит ее кто-то типа Горького. – Она хорошая, хоть и характер непростой. За моего подчиненного замуж собиралась еще недавно, и я был даже рад. А тут вдруг ты.

– Я не вдруг, Давид, – напряженно выдавил я, открывая

окно. – Мы давно знакомы. Она обещала мне себя.

– Так а не забрал почему?

– Тут сложно все. Ее не удержать силой. Но и долго бегать я ей не дам.

Мы помолчали некоторое время.

– Я знаю, что твой отец планирует выступить против Гданьского и Высших, – вдруг тихо сообщил Давид. – И знаю, что не общаешься ты с ним. Но на твоем месте я бы попробовал его отговорить.

Я облизал горькие губы и глянул в окно:

– Меня беспокоит только Ромалия. Если я ее заберу – не отпущу. А если дам еще побегать – она может вляпаться в это дело. Что посоветуешь, Давид Глебович?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.